

Среди книг и журналов

Анатолий Иванов. Вечный зов. Роман.
Книжная вторая. «Москва», 1976, № 7—8.

Оценивая глубокий интерес советских писателей к благородным темам Великой Отечественной войны, борьбы за мир, к «производственной теме», Л. И. Брежнев на XXV съезде КПСС подчеркнул: «Стоит отметить еще одну тему, которой наша литература и искусство отдали немало усилий. Это — тема морали, нравственных исканий... Заслуга наших писателей, художников в том, что они стремятся поддерживать лучшие качества человека — его принципиальность, честность, глубину чувства, исходя при этом из незыблемых принципов нашей коммунистической нравственности».

Нет сомнения, что эти слова относятся и к творчеству лауреата Государственной премии РСФСР писателя А. Иванова с его тяготением к темам морали, нравственных исканий, а значение романа «Вечный зов» с его решением нравственных проблем становится сейчас особенно очевидным.

Первая книга романа, выпущенная в 1970 году, получила одобрение у критики и широкое признание советского читателя.

С чем и с кем встречаемся мы в новом произведении? Поликарп Кружилин, Панкрат Назаров, братья Савельевы, Яков Алейников... Сложна жизнь этих людей из обычного сибирского села, трудно складываются их судьбы и духовное формирование. «И естественно, что историческая правда оказывается на стороне тех, кто сумел ощутить пульс эпохи, сердцем принять идеи нашего времени» (А. Иванов).

Значительное место во второй книге «Вечного зова» отводится военным картинкам периода Великой Отечественной войны. Основной мотив ее звучит впечатляюще и современно — никто не забыт, ничто не забыто...

Автор локализует объект повествования: изображаются фронтовые перипетии танкового экипажа, в котором воюют Семен и его дядя Иван Савельевы, трудная служба и мучительные нравственные поиски майора Алейникова, боевые подвиги штрафной роты, командиром которой является капитан Кошкин. Новые факты, новые страницы летописи

си Великой Отечественной войны... Солдатская правда в «Вечном зове» предстала как истинно героическая и суровая правда военной действительности.

Одно из своеобразных качеств А. Иванова-художника — живописать новые факты о войне. Так, например, впервые в нашей художественной литературе воспроизводится необычное явление времен Великой Отечественной — служба в рядах Красной Армии штрафников: бывших заключенных-уголовников, воров-рецидивистов и др. Но не этот факт сам по себе важен для писателя, хотя и он получает интересное решение. Пристально всматриваясь в разнородную людскую типовую, он сосредоточивает внимание на духовной «перестройке» штрафников (по крайней мере большинства из них), на формировании у них чувств патриотизма, товарищества, осознании ими великого дела — защиты социалистического Отечества от мирового зла — фашизма.

Вот вор-рецидивист Петр Зубов, приговоренный советским судом к высшей мере наказания, казалось бы, навсегда «конченный» человек. Благодаря нравственному воздействию командира роты Кошкина он начинает глубоко осознавать такие понятия, как «Родина», «добро», «социальная истина»... «— Сами-то вы где... и в чем нашли Родину? Что это такое?» — спрашивает солдат-штрафник своего командира. И капитан Кошкин, прошедший через горнила великих испытаний, не потерявший веры в правое дело борьбы за новый мир, отвечает: «— Вот что, Зубов... И это болото — Родина. И это небо и комары. И эта земля, в которую зарылись сейчас немцы... Так вот, мне кажется, что скоро ты найдешь ее в конце-то концов. Во всяком случае, я желаю тебе этого, Зубов...»

И Зубов находит. Но мучительное нравственное возрождение, как видно из повествования, не приходит к нему само по себе. Именно благодаря таким большевикам-ленинцам, как Данило Кошкин, обретают себя на фронте и Зубов, и Алейников, и все те, кого ломало, но не сломало суровое время...

А. Иванов не спешит с духовной «перестройкой» героев, сами объективные обстоятельства способствуют тому, что каждый из них постепенно осознает неотрывность свою от людей, от их общего дела, от того властного зова новой жизни, к которой каждый шел своим трудным путем.

Война предстает не только в лязге танковых гусениц, гудении моторов и свисте пуль. Писатель вместе с этим отображает нравственные искания и духовные победы людей на войне.

Дом, 1977, № 5

Один из нравственных конфликтов в романе — отыскание истины посредством столкновения двух прав — Якова Алейникова и Даниила Кошкина. Проведя Алейникова через ряд эпизодов мучительных исканий, автор убеждает его, а вместе с ним и читателя, что истина — в действиях большевика Кошкина, что настоящая правда на его стороне — ей быть на земле. И это главное.

«Вечный зов» — роман прежде всего нравственно-философский. Духовные поиски героев, стремление осмыслить жизнь выступают на первый план в произведении. О многом говорит уже и символическое название — «Вечный зов»... Зов к истине, добру, свету, неудержимое стремление людей доброй воли к справедливости. Но это не абстрактное воплощение писательской мысли об исторической предопределенности победы добра над злом, не пацифистский гуманизм, ибо нравственно-философские искания героев А. Иванова идут через борьбу. Путь героев социально и классово обусловлен. Так прочитывается нравственно-философская мысль романа.

Примечательно, что два полярных героя — Яков Алейников и Петр Zubов, — встретившись на фронте, в мучительных душевных поисках разрешают одну и ту же нравственную задачу — что такое социальная истина, в чем она заключается, как найти свое место в жизни и т. д. Встреча героев сплавляет их взаимным доверием и радостью каких-то неведомых ранее открытий души... Не случайно майор Алейников после диалога с Zubовым убежденно произносит: «А ведь Zubова, если он после завтрашнего боя останется живым, можно было бы, пожалуй, взять с собой в тыл врага. Смело можно было бы...»

Отображая воинское мужество своих героев, автор стремится показать и понять главное — истоки нашей победы в Великой Отечественной — и находит их прежде всего в высокой духовной закладке советского человека, воспитанного всем строем нашей жизни. Первую и вторую книги «Вечного зова» объединяет «мысль о связи, исторической преемственности нравственных ценностей, в разные периоды истории нашей страны наполнявшихся своим содержанием, и той высокой ответственности, которая лежит на нашем современнике — хранителе и наследнике революционных, боевых и — нравственных — традиций»¹.

Эта мысль не просто композиционно объединяет две книги романа — она

придает им внутреннюю прочность и цельность.

Под рукой писателя вновь и вновь оживают суровые фронтовые будни, причем при воссоздании их он находит свои, оригинальные художественно-образительные средства. Сколько раз, например, была воспета в стихах и прозе солдатская гимнастерка — пропыленная, выгоревшая под солнцем, просоленная потом... А. Иванов и здесь находит меткий образ: «Гимнастерка его (Ружейникова. — В. Ю.), рваная, грязная и заскорузлая от высохшего пота, **бугрилась** на спине, **потрескивала, как жесть**, когда он шевелился». Чтобы почувствовать всю глубину тяжелого солдатского труда, не надо длинных объяснений, а достаточно прочитать эту фразу...

Выразительны и свежи у автора «Вечного зова» сравнения, эпитеты, метафоры. Порой они резковаты, непривычно «режут» слух, но никогда не бывают вычурными. В контексте они обладают свойством мгновенно погружать читателя в изображаемый мир. Так, например, А. Иванов передает первые минуты пребывания советского военнопленного Василия Кружилина в концлагере: «Василий понял, что они наконец прибыли в какой-то лагерь. На миг ему почудилось, что площадка вымощена не булыжником, а **человеческими черепами**». Пожалуй, более лаконично и выразительно о фашистском лагере смерти не скажешь...

Характерной особенностью мастерства А. Иванова является психологический анализ. Этот анализ он проводит в обстоятельствах остро драматических для персонажа, предпочитая показывать его «изнутри» в момент главного жизненного испытания, выпавшего на его долю, а это испытание — бой. В бою герой остается один на один со своей совестью.

Чтобы раскрыть тот или иной образ «изнутри», автор «Вечного зова» нередко прибегает к использованию монолога. Раздумья о смысле жизни, о назначении человека на земле — основное назначение внутреннего монолога. В процессе своих размышлений персонаж осознает свое поведение, делает жизненные открытия и заключения. «Кто она и зачем она на земле?» — думает Анфиса Инютина, сумев понять причины своих житейских неурядиц; они в том зле, носителем которого является любимый ею всю жизнь Федор Савельев. Именно он сломал и исковеркал ее жизнь. Всенародное горе — война — помогает Анфисе разобраться в людях, в своем муже, в себе самой. Происходит внутренняя ломка в душе женщины, в

¹ «Литературная Россия», 1976, 6 августа.

корне меняющая ее отношение к Федору и мужу Кирьяну. Теперь уже нет сомнения в том, что Анфиса будет предана мужу до конца дней своих, вернись тот с войны даже без ног...

Так война не только много «горюшка людского принесла», но и «всему она другую цену определила», как верно заключает старая няня Глафира Дементьевна. О смысле человеческого бытия рассуждает и много повидавшая на своем веку Акулина Тарасьевна: «Оттого я думаю, что с жизнью-то расставаться тоскливо. Глянешься в нее и выискиваешь в первую очередь то... для чего родился. Зря или не зря...»

Внутренний монолог ярко раскрывает самые глубокие нравственные процессы, происходящие в Семене Савельеве во время жестокого боя, когда погибает почти весь экипаж танка...

Во второй книге «Вечного зова» часто говорится о смерти, многие герои расстаются с жизнью, но это не от пессимизма автора. Он и в смерти своих героев хочет утвердить доброе начало, жизнь. Правильно заметил как-то Муштай Карим: «По тому, как человек умирает, можно судить и о его жизни».

Не существуют сами по себе в романе и пейзажные зарисовки: они несут большую смысловую нагрузку, становятся многоговорящими символами.

Не чужд художественной манере писателя и юмор. Юмористические сцены удаются автору «Вечного зова» и гармонично вписываются в художественную структуру романа. От них веет здоровым народным духом, жизнерадостностью и верой в торжество справедливости. Чувствуется, что А. Иванов хорошо знает народную среду, быт, умеет «подслушать» меткое, острое русское слово. Вспомним сцену неожиданного признания Кашкаровой колхозникам о своей связи с красавцем в юности дедом Филатом или воспоминания о своей разудалой юной поре самого деда и другие... К сожалению, попытки отразить ту или иную картину народной жизни с помощью юмора немногочисленны. А жалко! Это бы еще более оживило роман, повысило его эстетическую ценность.

В произведении широко представлен сибирский фольклор — были, сказания, поверья, пословицы, поговорки и т. д.

А. Иванов показывает войну как большой повседневный труд, который в отличие от просто труда сопряжен со смертью. Совершает истинный подвиг в бою только тот, кто способен совершить его и в труде, подчеркивает всем ходом повествования автор. Помните, в первой книге «Вечного зова», если бы Семена Савельева не опередил его дядя Антон, то Семен еще тогда, на строительстве

завода в Михайловке, не раздумывая, совершил бы подвиг, так как нравственно уже был готов к нему. И теперь, на фронте, он, Семен Савельев, и миллионы таких же других советских юношей в солдатских шинелях совершают героические поступки не задумываясь, считая это в порядке вещей, потому что в них с детства заложена нравственная основа подвига. Воевать — для них значит честно трудиться в бою. Мы находим подтверждение этим словам в романе: «...И вот теперь Семен не только обвыкся, а как-то даже потерял раз и навсегда ощущение своего присутствия на войне, ему все казалось, что он действительно находится на какой-то работе, утром заступил на смену, и вот все не кончается трудовой день...»

Тема фронта во второй книге «Вечного зова» центральная, но не единственная. В ярких, запоминающихся эпизодах романа писатель сумел воспроизвести саму атмосферу трудового подвига тыла, как единого подвига народного. Такими предстают картины строительства эвакуированного завода, битвы колхозников за хлеб, участия детей в помощи фронту и многие другие. Показывая жизнь тыла, А. Иванов сосредоточивает внимание на том, какие духовные потери принесла людям война, сколько ею было разбито судеб, сколько принесла война морального ущерба, как обожгла сердца и исковеркала души — и вместе с тем — какой очищающей силой явилось это испытание для них!.. Какие нравственные силы пробудила она в душах советских людей! Благодаря этим силам и была достигнута победа над страшным врагом...

Говоря о достоинствах второй книги «Вечного зова», нельзя не упомянуть и о ее некоторых недочетах. Порой автор допускает словесные небрежности, ненужная детализация, никак не играющая на само повествование. Так, например, читаем фразу: «Большую часть сосен срубили для устройства самого блиндажа и глубоких щелей, которые тянулись куда-то вправо и влево». Буквально через предложение вновь читаем: «Возле блиндажа стоял бронетранспортер, грузовик с разбитым кузовом и почему-то несколько новеньких полевых кухонь». Вскоре вновь наталкиваемся на предложение: «Ординарец ушел куда-то за блиндаж». В дальнейшем эти «куда-то» и «почему-то» не раз повторяются и, конечно, засоряют повествование.

Следует упомянуть и о некоторых других неточностях. Например, в книге есть эпизод, в котором один советский танк (хотя и замаскированный) без

особого труда подбивает двенадцать фашистских, а одна пушка сеет панику в тылу противника. Никто, думается, и без этих «перегибов» не усомнится в подлинном героизме советских бойцов, тем более, что очень многие батальные картины в романе изображены с глубокой художественной силой и впечатляющей реалистичностью.

Наши замечания, вероятно, небесспорны, но не они в конечном счете определяют ценность второй книги романа «Вечный зов».

Главное слово за массовым читателем, а оно уже выражено тем, что и ранее опубликованные произведения А. Иванова, и только что появившаяся вторая книга «Вечного зова» не лежат свободно на библиотечных полках, они в активном ходу у читателя.

В. Юдин.

В. Чубакова. Какого цвета ветер? М., изд-во «Молодая гвардия», 1976.

Внимание читателей, несомненно, привлекли и прежние работы ленинградской писательницы Веры Чубаковой — «Золотая рыбка», «Судьба по выбору», «Повесть о бабьем счастье» — с острым ощущением нашего времени, стремлением разобраться в психологии современной молодежи, нравственных проблемах.

Новая ее книга «Какого цвета ветер?» прокладывает свой путь в этом же русле.

Мы входим в мир девушки Саши с ткацкой фабрики и не остаемся безразличны к ее борьбе с карьеристкой, бесчестной Лилей, разделяем разочарование Саши безвольным, жалким Ромкой.

В повести «Огонек в чужом окне» писательница знакомит нас с мещанской семьей Клавочки, где задыхается, не желая потерять себя, рабочий парень Виктор, люто ненавидящий обывательщину. И мачеха его Снегурочка, и теща, и жена Клавочка не сумели по-своему перекроить характер честного жизнелюбивого Виктора.

Прекрасно написан В. Чубаковой образ бабушки Клавочки — мудрой, доброй женщины, томящейся в чужом, по существу, доме своего безликого, ничтожного сына.

Уже в первых повестях В. Чубаковой подкупали своей выразительностью характеры людей, сочность языка героев, удивительная точность деталей, без которых нет художника.

В новой книге вылеплены запоминающиеся характеры и бригадира Родионы-

ча, с его утверждением, что «только с на вода стремится вниз», и лихого, крометного, предельно честного Виктора с его смешной присказкой «страшн суд» и признанием: «Я так от радос светился, что в темноте мог бы замени электролампочку».

Все здесь психологически тонко, точно. Разве что не веришь концовке повести «Огонек в чужом окне». После того, как Клавочка раскрылась в своей примитивности, подло-мещанской сути, вряд Виктор захочет продолжать жизнь с ней.

...И опять западающие в душу и мять детали, свидетельства возрастных годах мастерства писательницы.

Девочка просит маму, протягивая кусочек сахара: «Пожуй у меня над ком».

О ткацкой фабрике говорится, здесь бабье царство — «мужчины б то горошины, по ошибке всыпанные манную крупу».

Вызывает улыбку авторское пояснение, что Саша «ела прямо со сковороды — не надо будет тратить время на мытье посуды», или сообщение, что мальчишки «как задиристые петухи, отвели на локти, коснулись грудью друг друга».

Вот из квартиры выносят старую, живущую свой век кушетку, и девятилетнему Вите кажется, что кушетка цепляется ножками за порог, не хочет покидать комнату, к которой привыкла.

Воспринимаешь, как собственное крытие, утверждение писательницы, каждая ссора «что-то отщипывает любви».

Примеры таких находок можно было умножить, но вряд ли стоит это делать: лучше прочесть книгу. О юную, искреннюю, правдивую, глупую и млад найдут и повод для глупых раздумий, и радость узнавания современной молодежи.

Борис Изюм

Николай Костарев. Почему я Почему Ростовское книжное изд-во, 1975; Вениамин Жак. Кто склеивал звезды? Ростовское книжное изд-во, 1974.

Эти книжки Николая Костарева Вениамина Жака — конечно же, для детей. Об этом говорят и сами их названия. А фамилии авторов давно известны маленьким читателям.

Очередная встреча с писателем как бы продолжение знакомства с ним.

Книжка Николая Костарева написана в форме очень доверительного, заданного разговора с малышом, который начинает познавать жизнь. Вполне понятно, этот малыш весьма любо-